

На немногих фотографиях последнего времени (И.М. Патенков не любил сниматься) редактор "Орловской правды" выглядит озабоченным, замкнутым, ушедшим в свой внутренний мир. Лицо усталое. Добрые, умные глаза за толстыми стеклами очков выдают какую-то скрытую тревогу, будто говорят собеседнику: я знаю то, что неведомо другим. Может быть, он уже предчувствовал свою судьбу... О душевных смятениях и терзаниях Ивана Михайловича, думаю, догадывалась и его жена Маргарита Васильевна. Будучи преподавателем Орловского музыкального училища, она обучала игре на фортепиано мою дочь Олю, была частым гостем у нас дома и уже после смерти мужа многое рассказывала о нем.

П рипомнила и такой случай. Было это весной 1964 года: теплый ветер, прогулка по набережной Оки (они жили в доме на Пролетарской горе). Удивительная пора пробуждения природы! Многочисленные ручейки сбегают к реке, размывают лед, и вдоль берегов уже образовались широкие полосы чистой воды.

И вдруг разом глубокую тишину вечера разрушили сильный треск и гул — начался ледоход.

Иван Михайлович остановился и, глядя на эту разбушевавшуюся стихию, начал читать стихотворение своего любимого поэта Сергея Есенина "Черный человек":

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.*

*Сам не знаю, откуда взялась
эта боль...*

Маргарита Васильевна ласково обняла мужа, успокоила, и они зашагали по берегу дальше. А Иван Михайлович все читал "Черного человека".

Было это за год до его смерти...

В том же 64-м, в июле, я впервые переступил порог небольшого кабинета редактора "Орловской правды". После окончания высшей партийной школы меня распределили на работу в орловскую областную партийную газету.

"Орловская правда" размещалась тогда на Ленинской, 2 (в районе нынешней типографии "Труд"), в старом приспособленном здании, сильно разрушенном в войну.

Из-за стола, беспорядочно заваленного книгами, отписками статей, подшивками газет, скатками корректур, поднялся среднего роста мужчина, полноватый, со строгим лицом. Как-то безвольно, мягко пожал руку, вопросительно, ничего не говоря, взглянул на своего зама Николая Дмитриевича Сафроненкова, который меня сопровождал:

— Вот, Иван Михайлович, на работу к нам. Закончил ВПШ, публиковался в нашей газете... Анкета, характеристика...

Патенков его перебил:

— Значит, ВПШ закончил. Это хорошо. Я сам тоже партшколу окончил... Нам такие специалисты нужны.

— В отделе сельскохозяйственного производства и партийной работы как раз есть вакансия, — подсказал Сафроненков.

— Не возражаешь туда пойти? — спросил редактор. — Партийному делу обучен, село знаешь...

Патенков заглянул в мое личное дело.

Сам выходец из простой крестьянской семьи, Иван Михайлович явно благоволил к жителям

деревни, считал их более трудолюбивыми и нравственно чистыми, чем представителей города. Сколько раз я потом слышал от него на встречах с журналистами слова о том, что село есть начало всех начал...

Вызвал в кабинет заведующего отделом Валерия Семеновича Пикуля, сказал:

— Вот тебе пополнение. Готовь приказ. Используй его на всю катушку.

Так я влился в прекрасный коллектив "Орловской правды".

Известно, что "варится" журналист в конкретном отделе. Здесь его опекают, дают задания, спрашивают за их выполнение, подсказывают темы, доводят написанное тобой до совершенства, иногда хвалят, иногда материал летит в корзину. Поистине вся творческая "кухня" здесь, в отделе. Главным же редактору на стол попадает готовый "продукт": корреспонденция или очерк, фельетон или репортаж. И он своей подписью дает выход материалу непосредственно к широкому читателю.

У меня были прекрасные учителя — Валерий Пикуль, Иван Миронов, Петр Николаев, другие опытные журналисты. Но о них отдельный подробный рассказ.

Здесь же я хочу поделиться своими воспоминаниями об Иване Михайловиче Патенкове, рассказать о нем как о редакторе, руководителе большого творческого коллектива, писателе и журналисте, просто человеке. Можно сказать и так: это взгляд рядового сотрудника газеты на события тех уже далеких лет, на жизнь коллектива изнутри...

Вскоре после того, как я был зачислен в штат, редакция переехала в новое помещение. Выделили нам почти все правое крыло пятого этажа Дома Советов. Кабинеты светлые, просторные, не то что в старом здании.

Патенков приложил немало сил, чтобы состоялось новоселье. Поэтому он лично распреде-

«А ПОРТРЕТИК-ТО ПРИДЕТСЯ СНЯТЬ...»

лял кабинеты сотрудников, следил за расстановкой мебели, постоянно заходил в отделы, интересовался, удобно ли устроились.

Заглянул и к нам. По-хозяйски оглядел наши рабочие столы, заметил сопровождавшему его директору издательства Б.Н. Пастухову:

— Им, — он указал на меня и Ивана Миронова, — надо настоятельные электролампы приобрести. У них рабочие места далеко от окна, дневного света мало...

Валерий Семенович Пикуль, который открыто недолюбливал тогдашнего руководителя страны Н.С. Хрущева, как бы мимоходом поинтересовался у редактора:

— А с этим-то что делать, Иван Михайлович? — он показал на огромный под стеклом портрет Никиты Сергеевича, который вместе с нами переехал из старого здания.

— На стеночку, на стеночку, Валерий Семенович, повесить надо: мы ведь в здании Дома Советов находимся, к нам люди ходят...

И добавил многозначительно:

— Пусть пока повисит... Не думаю, что Патенков хоть как-то был посвящен в секреты тех, кто наверху готовил заговор против Хрущева. Это исключено. Но как писатель и журналист, вдумчивый аналитик, лучше других разбирающийся в человеческих сердцах и душах, находящийся постоянно в гуще событий жизни, он мог достаточно точно предвидеть результаты "демократических" реформ Хрущева.

А к середине 60-х годов эти результаты были весьма печальными. Сельское хозяйство — в

кризисе, резко возросли цены на мясо и мясные продукты, в магазинах очереди — начались перебои с хлебом. Не лучше было и в промышленности.

Недовольство в народе нарастало. В газету усилился поток писем и жалоб. Редактор первым читал их, здорово переживал.

Особенно обидно было за деревню. Новый реформатор обложил ее страшными налогами, приказал перевести единственных кормильцев семьи — коров — с личных подворий на колхоз-

ния в разработке ракет, секретным указом отца тоже стал Героем Советского Союза.

Много рассказывал о зяте Хрущева — Алексее Аджубее. Как редактор и член бюро областной организации Союза журналистов СССР Патенков не раз встречался с ним на различных столичных совещаниях и заседаниях. Удивлялся карьерному росту Аджубея: через пять лет после окончания МГУ стал главным редактором "Комсомольской правды", еще через два года — главным редактором "Известий", а еще через два — членом ЦК КПСС, получил Ленинскую премию за то, что сопровождал тестя в поездке по Америке. Зачастую Никита Сергеевич начинал важные заседания в Кремле со слов: "Мы тут с Алешей посоветовались и решили..."

Как и многие писатели, Патенков не был в восторге от того, что Хрущев в борьбе за сокращение государственных расходов ликвидировал все областные издательства. Теперь, чтобы выпустить книгу, надо было ехать договариваться (и не раз) в столицу. Уж как тут пробиться провинциальному таланту!

Антииздательская акция удивительно синхронно совпала с хрущевскими гонениями на православную церковь. В это же время в Орле был взорван замечательный храм на берегу Оки, а другой — кафедральный собор — переоборудован в... кукольный театр.

14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев был освобожден от всех государственных постов и отправлен на пенсию. Помню, как Патенков, первым узнавший об этом из сообщений ТАСС (телетайп в приемной редактора работал круглосуточно), зашел в наш отдел, медленно прошелся между столами, снял очки, оглядел нас своими близорукими глазами и рукой указал на портрет Хрущева:

— Ну а портретик-то придется снять. В отставку ушел Никита Сергеевич. А впрочем, не ушел — выгнали...

Писатель и журналист Патенков из краха хрущевских реформ сделал свои выводы: народ и страну на путь демократических преобразований нужно выводить умно и постепенно, а не революционным путем — путем постановлений и распоряжений сверху, хотя перемены ждал и надеялся на лучшее.

Как далеко он смотрел! Ибо потом реформаторы Горбачев и Ельцин так и не сделали нужных выводов из того, что до них совершал Хрущев.

В 1946 году Иван Михайлович начал работать в "Орловской правде". Участок достался ему нелегкий — руководить отделом пропаганды областной партийной газеты. Постоянные поездки по колхозам, многочисленные встречи с секретарями районов, вожаками сельских парторганизаций, специалистами и рядовыми колхозниками давали ему большую пищу для размышлений. Главный вывод — нельзя в партийной пропаганде жить старыми формами, нужно смелее бороться против формализма, догматизма, очковитательства как самых вредных явлений в партийной жизни. Об этом его многочисленные публикации в "Орловской правде", сборниках рассказов и пьес.

Александр МАКУШЕВ.
(Продолжение следует).